

ИНОСТРАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ МАГНИТКИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ЭГОДОКУМЕНТАХ*

Владимир Камынин

Елена Лазарева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

INTERNATIONAL SPECIALISTS IN THE CONSTRUCTION OF THE MAGNITKA IN JOURNALISM AND EGO-DOCUMENTS

Vladimir Kamynin

Elena Lazareva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article analyses a complex of journalistic and historical sources on the relationship between Soviet and international specialists during the construction of the Magnitogorsk Iron and Steel Works (colloquially known as *Magnitka*). The authors demonstrate the relevance of this topic for contemporary Russian historiography, as many of its aspects have not been studied until now. The article considers questions connected with the role of international engineers and workers in the construction of the enterprise. Journalistic sources are particularly valuable because the facts are described by participants in the events themselves; however, due to the subjectivity of human perception, it is necessary to compare such information with other documentary evidence. The article analyses the reasons for both the positive and negative attitudes of Soviet and Western experts towards each other. Special attention is paid to the topic of the mutual perception of Soviet and international specialists during the First Five-Year Plan. The study reveals that when analysing the issue, it is necessary to take into account the main factors of the authors' subjective perception, such as their country of origin, level of education, profession, positions they held, their contacts, and the influence

* *Citation*: Камынин, В., Лазарева, Е. (2020). International Specialists in the Construction of the *Magnitka* in Journalism and Ego-Documents. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1737–1752. DOI 10.15826/qr.2020.5.555.

Цитирование: Камынин В., Лазарева Е. International Specialists in the Construction of the *Magnitka* in Journalism and Ego-Documents // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1737–1752. DOI 10.15826/qr.2020.5.555 / Камынин В., Лазарева Е. Иностранцы специалисты на строительстве Магнитки в публицистике и эгодокументах // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1737–1752. DOI 10.15826/qr.2020.5.555.

of the Soviet political environment. As a result of these factors, Ya. S. Gugel, head of the construction of the Magnitogorsk Iron and Steel Works, journalist S. D. Narinyani, and the American worker D. Scott perceived and interpreted the relations of Soviet and international participants in the construction of the *Magnitka* differently. The study concludes that the basis for mutual perception was not so much personal qualities as different approaches to solving production problems. The peculiarity of the *Magnitka* was the clash of two tactics: “Western conservatism” vs “Soviet adventurism.” Principles of strict adherence to the technological process lay at the basis of international, primarily American and German, experience, while the basis of Soviet mentality was the “Bolshevik pace”. The historical value of journalistic sources is that the authors of the early 1930s directly assessed the contribution that international experts made to the establishment of Soviet industrial giants. At the same time, they were subject to the rules of the propaganda war between the USSR and Western powers.

Keywords: *Magnitka*, industrialisation in the USSR, journalistic sources, international experts in the USSR, international economic relations.

Цель исследования – выявление взаимоотношений советских и западных специалистов на строительстве Магнитогорского металлургического комбината на основе анализа комплекса публицистических и исторических источников. Показана актуальность данной темы в современной российской историографии, поскольку многие ее аспекты не изучены до настоящего времени. Рассмотрены вопросы роли иностранных инженеров и рабочих при возведении данного предприятия. Ценность публицистических источников состоит в том, что факты описаны самими участниками событий, однако, ввиду субъективности человеческого восприятия, требуется сопоставление информации с другими документальными свидетельствами. Проведен анализ причин как положительного, так и отрицательного отношения советских и западных специалистов друг к другу. Особое внимание уделено теме взаимного восприятия советских и зарубежных специалистов в годы первой пятилетки. Выявлена необходимость учитывать ряд факторов субъективного восприятия авторов: это страна происхождения, уровень образования, профессия, занимаемая должность, круг общения и влияние советской политической конъюнктуры. Вследствие этого начальник строительства ММК Я. С. Гугель, журналист С. Д. Нариньяни, американский рабочий Д. Скотт по-разному воспринимали и трактовали отношения советских и иностранных участников строительства Магнитки. Сделан вывод, что в основе взаимовосприятия были не столько личные качества людей, сколько различные подходы к решению производственных задач. Специфика Магнитки заключалась в столкновении двух тактик, определяемых как «западный консерватизм» и «советский авантюризм». В основе зарубежного (американского и германского) опыта лежали принципы четкого соблюдения технологического процесса, в основе советского менталитета – «большевистские темпы». Историческая ценность публицистических источников в том, что авторы начала 1930-х гг. непосредственно оценили тот вклад, который внесли иностранные специалисты в создание

гигантов советской промышленности. В то же время они подчинялись правилам пропагандистской войны между СССР и западными державами.

Ключевые слова: Магнитка, индустриализация в СССР, публицистические источники, иностранные специалисты в СССР, международные экономические отношения.

Восприятие в России зарубежных специалистов, актуальное для Нового и Новейшего времени, недостаточно раскрыто в историографии по ряду идеологических и источниковедческих причин. Конструктивным в этом аспекте становится обращение к историческому опыту, в частности, к проведению индустриализации в СССР, когда строительство крупных предприятий проходило в условиях тесного сотрудничества с зарубежными фирмами. Для иностранных предпринимателей уральский промышленный район представлял особую привлекательность, ибо здесь в годы первой пятилетки было возведено 149 заводов. Среди них наиболее крупным являлся Магнитогорский металлургический комбинат (далее – ММК). Причину интереса иностранного капитала к ММК американский историк Стивен Коткин (Stephen Mark Kotkin) объяснял тем, что советское правительство решило построить в Магнитогорске не просто сталелитейное предприятие. Этот завод должен был стать таким же большим и технологически современным, что и предприятие Гэри «Ю. С. Стил Компани», находившееся в штате Индиана, по модели которого и был построен магнитогорский комбинат. В законченном виде «советский Гэри» должен был производить ежегодно столько же стали, сколько весь Советский Союз производил за год до начала пятилетнего плана [Коткин, с. 23]. Внимание к истории ММК было значительным. Рассматривался вопрос и об участии иностранных специалистов в строительстве Магнитки. Советские историки делали упор на том, что западная помощь носила преимущественно консультативный характер. По их мнению, советские инженеры самостоятельно осваивали сложную передовую технику, преодолевая саботаж заносчивых американских специалистов [Сергеев, с. 41].

Современные авторы значительно расширили круг рассматриваемых вопросов. Ими изучаются отбор иностранных специалистов для работы в СССР, их взаимодействие с советскими коллегами, оплата труда иностранцев, особенности адаптации западных инженеров и рабочих к реалиям советской страны, их быт, восприятие ими советской повседневности и др. Но главное – изменилась оценка роли западных специалистов в строительстве советских предприятий. По словам В. П. Тимошенко, «иностранная помощь позволила разрешить технические проблемы проектирования, строительства и пуска Магнитогорского комбината, подготовить собственный инженерно-технический персонал, соответствующий по квалификации технологическому уровню вновь созданного производства»

[Тимошенко, с. 47]. Впервые историки обнародовали данные о количестве иностранных специалистов в Уральском регионе, отмечено, что их массовое прибытие пришлось на середину 1930-х гг. [Кучер, с. 63]². Менее изученным в современной литературе остается вопрос о восприятии иностранных специалистов советскими гражданами. Можно согласиться с утверждением, что «отношение властей и трудящихся советской России к иностранцам в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было противоречивым и непоследовательным, по сути, это было столкновение носителей разных политико-идеологических установок» [Богданов, с. 3], однако требуется наполнение этой формулы конкретным материалом.

В исследовательской литературе очень редко используется публицистика как исторический источник. Сказывается влияние советской традиции, оценивавшей публицистику «как особый вид литературных произведений, трактующих актуальные общественно-политические вопросы в периодической печати и в отдельных изданиях» [Черноморский, с. 228]. В многочисленных работах о Магнитострое много ссылок на периодическую печать, из которой извлекается фактический материал без указания на то, какой именно жанр советской периодики используется.

Только в самое последнее время отношение к публицистике как историческому источнику начинает пересматриваться [Плавская, с. 81–83; Камынин]. Доказывается, что в публицистике рассматриваются не только «актуальные общественно-политические вопросы», но, и главным образом вопросы повседневной жизни, взаимоотношения людей. Блестящий образец использования публицистики как источника по истории строительства соцгородов Урала в 1930-е гг. дал К. Д. Бугров, показавший, насколько благодаря этому может быть расширена источниковая база по интересующей нас проблеме. Им создана база данных, состоящая «из нескольких сотен текстов (главным образом газетных статей), описывающих облик и специфику, проблемы и перспективы нового советского города на конкретных примерах уральских новостроек» [Бугров, с. 10, 383–423].

Строительство ММК получило освещение в огромном количестве публицистических произведений. В публицистике о Магнитострое уникальным источником служат очерки С. Д. Нариньяни, на что указывает К. Д. Бугров: «Чрезвычайно важную роль в укреплении образа Магнитогорска как главной промышленной стройки Союза сыграл С. Д. Нариньяни, корреспондент “Комсомольской правды”, находившийся на Магнитострое в 1930–1932 гг.» [Там же, с. 369]. В своих мно-

² К июлю 1933 г. на Урале трудилось 5601 чел. из-за рубежа. Среди них насчитывалось инженерно-технических работников с высшим образованием 1050 чел., со средним техническим – 939, рабочих – 3612. По национальному составу иностранные специалисты на уральских предприятиях были представлены так: немцы – 1552, американцы – 287, австрийцы, венгры, чехи, словаки, болгары, югославы и поляки – 653, англичане – 24, представители других стран – 2085 чел. [Бедель].

гочисленных очерках, опубликованных по горячим следам в «Комсомольской правде» и «Магнитогорском рабочем», а затем в брошюрах 1930–1973 гг., С. Д. Нариньяни часто обращался к проблеме отношения советских людей к иностранным специалистам. В распоряжении исследователей творчества С. Д. Нариньяни имеется богатый набор эго-документов. Прежде всего это дневники самого С. Д. Нариньяни «Записи из блокнота», опубликованные в брошюре «Дорога в совершеннолетие» (1932) [Нариньяни, 1932], а также воспоминания о пребывании на Магнитострое «Как это было», вышедшие в книге очерков «Ты помнишь, товарищ...» (1957) [Нариньяни, 1957]. Свидетельства С. Д. Нариньяни верифицируются воспоминаниями управляющего Магнитостроем в 1931–1932 гг. Я. С. Гугеля. Степень компетентности и профессионализма этого человека высоко оценивают современные исследователи, характеризующие Я. С. Гугеля как руководителя с высоким уровнем профессионального образования и значительным опытом организатора металлургического производства [Кучер, с. 67].

Интересные сведения можно получить при сопоставлении публицистических произведений С. Д. Нариньяни с воспоминаниями американского рабочего Джона Скотта, прибывшего на Магнитострой в январе 1933 г.

Воспоминания Я. С. Гугеля и Дж. Скотта для верификации фактов и оценок С. Д. Нариньяни выбраны не случайно. Я. С. Гугель хорошо знал С. Д. Нариньяни и часто общался с ним. Гугель писал:

Нариньяни был всюду. Он сидел в печи, когда шла кладка, он сидел на бюро комсомола, когда решались оперативные вопросы комсомольской организации. Он сидел в редакции, организуя соборов, на складах, когда образовывалась железнодорожная пробка. Организовывал журналистов для проталкивания застрявших составов с грузами. Он же доставлял в Москву первый чугун. Энергичный, иногда злобный и ядовитый, он умел заставить считаться с ним административно-технический персонал стройки [Гугель, с. 24].

Хотя Дж. Скотт прибыл на Магнитострой уже после отъезда С. Д. Нариньяни, однако анализ его воспоминаний показал, что он был хорошо знаком с «Записями из блокнота» и использовал их в части III «Истории Магнитогорска» при описании строительства ММК до 1932 г. [Скотт, с. 75–88].

При анализе данных источников следует учитывать, что Я. С. Гугель, С. Д. Нариньяни и Д. Скотт имели различное происхождение, образование, профессии, должности и круг общения на Магнитострое, что не могло не сказаться на их оценках. Я. С. Гугель профессионально разбирался в вопросах участия иностранных фирм на вверенном ему предприятии и общался исключительно с их руководителями. Круг общения Д. Скотта ограничивался иностранными рабочими, при этом он часто посещал место проживания западных специали-

стов в Магнитке – «Березки» – и подробно осветил многие бытовые моменты жизни иностранцев.

У С. Д. Нариньяни круг общения был наиболее широким. Он описывал встречи как с руководителями и инженерами зарубежных фирм, так и с простыми рабочими. В отличие от Дж. Скотта, он не был допущен на территорию «Березок» и общался с некоторыми их обитателями лишь по телефону.

Для более полного и всестороннего восприятия публицистики С. Д. Нариньяни нами проанализированы архивные документы, которые содержат данные о положении иностранных специалистов и рабочих на Магнитострое, в том числе документы надзорных органов за деятельностью иностранцев.

При объединении «Востокосталь» был создан иностранный отдел (иноотдел), позднее преобразованный в иноуправление, а также комитет иностранной техники для сбора информации о новинках зарубежной металлургии и передаче этих сведений на отечественные предприятия. Одновременно при партийных органах, общественных организациях и заводских администрациях действовали иностранные бюро (инобюро). Большую роль в работе с иностранными специалистами играли переводчики, которых специально подбирали и обучали из политически образованных «партийцев и комсомольцев», отфильтровывая «политически нежелательных (из бывших)» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 63].

Производственная деятельность иностранных специалистов

Корреспондент С. Д. Нариньяни отмечал, что часть иностранных специалистов, прибывших в СССР еще в конце 1920-х гг., переезжали с одного предприятия на другое. Он писал, что американец Калдер работал вместе с ним на строительстве Сталинградского тракторного завода, и в 1930 г. они вместе с налаженного производства и из благоустроенного жилья приехали на Магнитку [Нариньяни, 1932, с. 26].

В воспоминаниях Дж. Скотта содержатся уникальные данные о количестве иностранных специалистов, проживавших в «Березках» в 1933 г. (300–400 немецких и американских специалистов), и о различных их категориях. Описывая посещение «Березок», Д. Скотт отмечал, что все они получали зарплату золотом и работали либо непосредственно на советское правительство, либо на иностранную фирму, чье оборудование устанавливали [Скотт, с. 105–106].

Подтверждение этой информации содержится в докладной записке управляющего объединением «Востокосталь» Я. П. Иванченко в обком ВКП(б) об эффективном использовании технической помощи иностранных фирм предприятиями Урала, составленной в 1930 г. В ней сказано о трех видах договоров с иностранными кадрами на советских предприятиях. Работы осуществлялись на основании индивидуальных договоров с иностранными фирмами,

индивидуальных договоров с советскими предприятиями и вербовки советской стороной за границей для работы на предприятиях СССР. По данным Я. П. Иванченко, последнюю категорию работников «вербовали исключительно на безвалютной основе» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 61].

Изучение документов позволяет установить соотношение «валютных» и «безвалютных» иностранцев на ММК. В записке иноотдела Магнитостроя за 1932 г. отмечалось, что из 339 иностранцев, среди которых было 116 рабочих и 123 специалиста, «за золотую валюту работали 43 человека» [Там же. Л. 76]. В докладной записке Я. П. Иванченко указано, что на содержание 62 иностранных специалистов, работающих в «Востокостали» по индивидуальным договорам, вместе со 100 зарубежными специалистами, работающими по договорам с западными фирмами, в 1930 г. было выплачено около 170 тыс. руб. в иностранной валюте [Там же. Л. 61 об.].

И С. Д. Нариньяни, и Дж. Скотт высоко оценивали эффективность участия западных специалистов на Магнитке, поскольку уровень их квалификации был намного выше, чем советских. По словам Нариньяни, именно у американца Стака многие такелажники обучались работе на западной строительной технике. При описании строительства коксохимкомбината С. Д. Нариньяни отметил вклад американской фирмы «Копперс», которая прислала в Магнитогорск чертежи опалубки бункеров угольных ям, подчеркнув, что технический отдел Союзкокса долго не мог в них разобраться [Нариньяни, 1932, с. 57]. О прибытии в Магнитогорск экскаватора «Марион» С. Д. Нариньяни писал, что машина вскоре была разбита, «став жертвой нашей технической безграмотности» [Там же, с. 74].

Отметим, что указание С. Д. Нариньяни на случаи безответственного отношения к импортной технике имеет документальное подтверждение. Я. П. Иванченко сообщал, что руководством ММК не извлекается технический опыт иностранных специалистов максимально, а их работа не увязывается с работой советских специалистов [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 64]. В другой докладной записке (об условиях работы западных рабочих) содержится информация, что эти кадры в литейном цехе загружены лишь на 50 % [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 696. Л. 66].

Представляется закономерным, что наиболее высоко оценивал вклад иностранных специалистов Дж. Скотт, считавший, что успехи производства на Магнитке напрямую связаны с американским участием. В своей книге он поместил таблицу, иллюстрирующую коэффициент использования экскаваторов на Магнитке в сравнении с американскими стандартами. По его данным, в период 1930–1931 гг., когда количество западных специалистов росло, коэффициент использования экскаваторов увеличился с 30 до 38 %, а в 1932 г. после отъезда многих из них он снизился до 11 % [Скотт, с. 268].

Взаимоотношения советских и иностранных специалистов

Значительное место в очерках С. Д. Нариньяни отведено теме восприятия западными специалистами трудового героизма своих советских коллег, работавших в тяжелых условиях. Он писал, что американский инженер Стак заявил: «Русские комсомольцы поразили меня. Еще вчера они были простыми чернорабочими, а уже сегодня пневматические молотки повинуются им, как прирученные звери» [Нариньяни, 1932, с. 31]. Также, по свидетельству С. Д. Нариньяни, представитель германской фирмы «Бергман» некто Поляс говорил, что в СССР могут работать лишь такие фанатики, как Мордухович, который по трое суток не выходил из котельного зала и самого Поляса заставил работать по 20 часов [Там же, с. 49].

С. Д. Нариньяни цитировал и слова американского инженера Герберга о коксохимкомбинате: «Таких темпов я не видел. Советские ударники работали, не считаясь со временем... только здесь я научился работать по-настоящему» [Там же, с. 60]. Также журналист описал недоумение германского инженера Гартмана, который не мог понять, почему «зольдат» Шамков и «мюжик» Чусов добровольно остаются после работы на пять-шесть часов, гонят по 60 труб за смену, хотя больше 40 он не требует [Там же, с. 48].

Эти наблюдения очевидца событий необходимо учитывать в контексте дискурса, который ведется по вопросу об эффективности использования иностранной помощи. Даже в современной литературе по-разному оценивается характер сотрудничества ММК и «Мак-ки». Часть авторов вслед за советскими коллегами [Паздников] указывают, что их отношения являются хрестоматийным примером неудачного взаимодействия с западными «дельцами». Фирму «Мак-ки» по-прежнему обвиняют в саботаже, некомпетентности, в пренебрежении к советским методам работы, что явилось причиной расторжения договора [Ваганова, с. 93–94].

Другая часть исследователей полагает, что специалисты «Мак-ки» были опытными инженерами, отвечающими за качество, и что они оказали огромную помощь строительству [Хламкин, с. 48]. По словам Л. П. Спасовой, главным препятствием к эффективному использованию опыта «Мак-ки» являлось нежелание советских инженеров признать их руководящую роль. Отношения между представителями «Мак-ки» и инженерами Магнитостроя, за редким исключением, были напряженные, что мешало контролю американцев над ходом работ [Спасова, с. 104].

По нашему мнению, дискурс в современной российской историографии отражает различные данные публицистических источников, которые порой противоречат друг другу. Как следует из текстов, очевидцы событий начала 1930-х гг. по-разному смотрели на этот вопрос.

С точки зрения С. Д. Нариньяни, ответственность за срыв сроков работы лежала в основном на советской стороне. При этом он ссылался на Гартмана, утверждавшего, что котлы нужно монтировать в готовом здании, и не принимал доводы советских рабочих, которые отсутствие крыш у цехов объясняли тем, что стропила задержаны конторой Стальмоста, а щебенки не хватает из-за «недостачи автотранспорта» [Нариньяни, 1932, с. 43].

Позитивное отношение к иностранному участию в строительстве ММК было характерно и для представителей администрации. В докладной записке Я. П. Иванченко приводился пример того, как немецкие рабочие Магнитостроя жаловались на своих советских коллег:

Снабдите русских товарищей, работающих рядом с нами, необходимым инструментом, потому что они, как только отвернешься, берут наш, и мы потом его должны искать – это приводит к растрате нашего времени [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 62].

Я. С. Гугель, вспоминая о сотрудничестве «Мак-ки» с руководством ММК, писал:

Мы были преисполнены самого искреннего желания организовать свою работу совместно с американской консультацией, максимально перенять их опыт, помочь им перестроить свою работу к требованиям, предъявляемым нашими большевистскими темпами, нашей большевистской решительностью, смелостью [Гугель, с. 17].

Директор Магнитостроя высоко ценил сотрудничество с В. Хейвеном. Он писал:

Мистер Хейвен, безусловно, знающий металлург. Он легко воспринимает масштабы Магнитостроя, это человек разносторонний, образованный, культурный. Я с удовольствием часами беседовал с ним [Там же, с. 18].

Интересны также наблюдения Д. Скотта о реакции начальника производства Сёмичкина на возражения иностранных специалистов по поводу «большевистских темпов». Он писал, что отношение к ним Сёмичкина было двойственным, поскольку «буржуи» не понимают их, зато разбираются в доменных печах намного лучше, чем он сам. Когда дело касалось таких вопросов, как сооружение фурмы или расположение кессонов, эти иностранцы наизусть знали, как построена любая доменная печь в мире [Скотт, с. 129].

Однако в публикациях отмечены и случаи негативного отношения советских специалистов к иностранцам. Корреспондент газеты «За индустриализацию» сообщал, что упоминаемый С. Д. Нариньяни американец Калдер жаловался ему, что такого отношения к себе, как здесь, он нигде не встречал:

Здесь не только старое инженерство считает, что, мол, «приехали учить»... но даже молодое инженерство находит, что у нас учиться нечему. Здесь не понимают, что лично меня советское правительство пригласило на работу, учитывая мою работу в Америке [За индустриализацию, с. 2].

Анализ документов подтверждает обоснованность мнения о добросовестном отношении иностранных специалистов к своему делу. В докладной записке Я. П. Иванченко указывалось на справедливость жалобы фирмы «Мак-ки» на то, что Магнитострой не выписывает из США то количество инженеров, которое требуется [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 61]. В переписке полномочного представителя ОГПУ по Уралу Матсона с первым секретарем Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаковым говорилось о халатном отношении советских инженеров к предложению американца Эйлисса, выбравшего место постройки Центральной электростанции (ЦЭС) Магнитостроя и предлагавшего передовые методы ускорения ее строительства. Результатом недопонимания стала значительная задержка возведения ЦЭС [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 253. Л. 76, 94, 95].

В то же время в документах зафиксировано негативное отношение к иностранцам, в большей мере характерное для представителей администрации уральских предприятий. Так, по словам Я. С. Гугеля, американцы пытались все и вся подчинить «американскому опыту». Начальник Магнитки отмечал, что постоянно наталкивался на капиталистическую рутину и высокомерный консерватизм [Гугель, с. 17]. Гугель отрицательно отзывался и о некоторых иностранных специалистах. Он писал про взаимоотношения с В. Хейвеном, возражавшим против пуска домны № 1 в зимнее время:

Основного не понимал мистер Хейвен – наших большевистских темпов. Он не понимал, зачем нужно торопиться и что такое срок. В его представлении срок – это тогда, когда все готово. В нашем представлении срок – это тогда, когда должно быть готово [Там же, с. 23].

Начальник Магнитостроя констатировал, что уже привык не разделять ответственности с корпорацией «Мак-ки»:

Пуск первой домны Магнитостроя при противодействии американцев был тяжел. Выручил тов. Серго (Г. К. Орджоникидзе. – В. К., Е. Л.). После того, как я подробно проинформировал его по телефону, он дал согласие и разрешение на пуск домны. Домна № 1 была пущена 31 января 1932 г. [Там же].

Кроме того, Я. С. Гугель вспоминал, что фирма «Мак-ки» присылала не всегда морально устойчивых работников.

Руководимые главным инженером фирмы мистером Стеком, жирным ирландцем, американские специалисты сильно пьянствовали. Стек, как правило, весь выходной пил, на второй день обязательно болел. После одной из попок, когда американские друзья и собутыльники были вынуждены связать своего шефа и отвезти домой, я потребовал, чтобы его убрали. Вместо Стека был назначен мистер Стак [Гутель, с. 17].

Руководство Магнитостроя поддерживало советских инженеров, действуя в интересах соблюдения сроков строительства. Я. С. Гутель вспоминал свой диалог по поводу установки наклонного моста дожны в собранном виде с американским инженером Стаком, который возражал, мотивируя свою позицию тем, что в Америке нет такой практики. На это Гутель ему заметил, что в американской практике нет и Советской власти [Там же, с. 21].

Отметим, что и С. Д. Нариньяни много места отводил описанию дискуссий, происходивших между представителями германских фирм, монтировавших поставленное оборудование, и строителями Магнитки по поводу сроков сдачи объекта. Он привел слова представителя фирмы «КАСГ» Гартмана, говорившего, что, согласно его долготелней практике, топки котлов монтируются не менее 60 дней и 17 часов, и менять свои убеждения он не намерен [Нариньяни, 1932, с. 42]. Также С. Д. Нариньяни неоднократно упоминал о случаях высокомерного отношения иностранцев к советским рабочим:

В девять господин Гартман поругался с бригадиром Банных. В десять он крупно разговаривал с инженером Тумасовым и наконец дал приказ немецким монтерам бросить монтаж. Когда Банных попытался запротестовать, Гартман собрал чертежи и ушел с работы [Там же, с. 47].

Зачастую разногласия с советской стороной у иностранцев возникали по поводу качества выполнения работ. На вопрос Гартмана, «почему так мало рабочих на монтаже», последовал ответ, что рабочие прогуливают. Гартман посоветовал уволить прогульщиков и набрать новых из безработных, стоящих у ворот предприятия. Ответ советского инженера был следующим: «Передайте г-ну Гартману, что, во-первых, у нас еще не построены ворота, а, во-вторых, не имеется безработных» [Там же, с. 48].

С. Д. Нариньяни сообщал о фактах пренебрежительного отношения иностранных инженеров к советским рабочим. Он воспроизвел реакцию Гартмана на требования рабочего Магнитки увеличить темпы строительства. С. Д. Нариньяни писал: «Какие рабочие, – пренебрежительно говорит Гартман и смотрит на буденновку Шамкова. “Зольдат” Шамков и “мюжик” Чусов не могут спорить с фирмой “КАСГ”» [Там же, с. 46].

По свидетельству С. Д. Нариньяни, представитель германской фирмы «Бергман» Поляс говорил рабочим:

Сумасшедшая страна, больные люди! Вы требуете, чтобы мы смонтировали турбину на двенадцать тысяч киловатт за 20 дней, когда турбина фирмы монтировалась по 3–4 месяца. Я монтировал турбины в готовых стационарных зданиях. Вы предлагаете сокращать сроки монтажа в здании, где нет крыши, фундамента и окон.

В ответ на это советские рабочие предлагали: «Вы начинайте работу, а крышу мы будем стеклить одновременно с монтажом и вставкой оконных переплетов» [Там же, с. 44].

Причины негативного отношения советской стороны к иностранным специалистам были разными. Следует учитывать, что очевидцы событий являлись людьми своего времени и той конъюнктуры, которая формировалась в том числе советской пропагандой 1930-х гг. Несмотря на активное сотрудничество с западными странами, советское правительство требовало от СМИ критического отношения к иностранной помощи. А. Н. Макаров иллюстрирует заказ, спущенный «сверху» советским журналистам. Он пишет, что показательным был фотомонтаж в «Челябинском рабочем». Верхний снимок изображал магнитогорскую домну, а нижний, заимствованный из фотосерии М. Альперта и А. Смоляна «Гигант и строитель», магнитогорского ударника Виктора Калмыкова, штыковой лопатой азартно выбрасывающего вместе с комьями грунта рисованные ящики с надписями «Made in USA», «Катерпиллер», «Виккерс», а также очкариков в цилиндрах – ненавистных капиталистов [Макаров].

Отметим, что для публицистики С. Д. Нариньяни был характерен классовый подход в оценке взаимоотношений работников ММК. Он приводил примеры того, что отношение к советским порядкам было различным у иностранных инженеров и иностранных рабочих. Описывая частые споры, происходившие между представителями фирм, монтирующих свое оборудование, и строителями Магнитки, С. Д. Нариньяни заметил, что, когда Гартман в очередной раз ушел с монтажа с чертежами, обычный рабочий фирмы «КАСГ» начал объяснять русским коллегам, что чертежей не надо: «Десять топок мы смонтировали. Пусть Гартман кричит. Вы работайте, а мы поможем» [Нариньяни, 1932, с. 47]. Мотивы такого поведения немецких рабочих становятся понятными в том числе из докладной записки Я. П. Иванченко, который указывал, что среди немецких рабочих немало партийцев и красных фронтовиков [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 62].

Несомненно, что на классовых позициях стоял и Д. Скотт при характеристике причин негативного отношения иностранных специалистов к их советским коллегам. Рассказывая о настойчивости американского консультанта Гарриса, американский рабочий писал, что, понимая требования советской стороны, он, Гаррис, сам «был инженером-консультантом, которому платили кругленькую сумму в американских

долларах, снабжали его икрой в стране, где не хватало хлеба... для того чтобы он продвигал строительство Магнитки» [Скотт, с. 46]. Д. Скотт указывал на существенное различие материального положения и статуса иностранных специалистов и иностранных рабочих на Магнитке. Характеризуя условия проживания иностранцев, он вспоминал, как жил вместе с остальными иностранными рабочими в бараке, не имевшем удобств, в то время как «валютные» иностранцы и высокие советские должностные лица жили в «Березках», представляющих собой «замкнутый мирок» [Там же, с. 109–110].

Классовый подход был характерен и для руководства уральских предприятий. В докладе Я. П. Иванченко подчеркивалось:

Будучи элементом мелкобуржуазным, воспитанные в капиталистических принципах иностранные специалисты, даже добросовестно выполняя свои обязанности, приходят в тупик, когда внедрение нового технического опыта требует привлечения к делу рабочей общественности [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 63].

Публицистические источники воспроизводят многие производственные, бытовые и личностные сюжеты взаимовосприятия советских и зарубежных специалистов в СССР в годы первой пятилетки. В публикациях отражены факты различного сознания и, соответственно, отношения к работе советских рабочих, мастеров и инженеров. Имели место случаи как прогулов, пьянства, халатности, безответственности и профессиональной безграмотности, так и быстрого обучения, сознательного овладения передовыми технологиями, высокой самоотверженности и принятия талантливых технических решений. В зависимости от конкретной ситуации, отношение западных специалистов варьировалось от неприязненного недоумения до уважения и восхищения трудовым героизмом своих советских коллег, вынужденных работать в тяжелых условиях.

При всех различиях в социальном статусе, уровне и характере образования, особенностях национальных культурных традиций авторы очерков, статей и мемуаров сходятся во мнении о добросовестном отношении иностранных специалистов к их профессиональным обязанностям. Из описаний следует, что в основе взаимовосприятия были не столько личные качества людей, сколько различные подходы к решению производственных задач. Специфика Магнитки в данном контексте заключалась в столкновении двух тактик – «западного консерватизма» и «советского авантюризма». В основе зарубежного, прежде всего американского и германского опыта, лежали традиции и принципы четкого соблюдения технологического процесса, в основе советского менталитета – «большевистские темпы». Историческая ценность публицистических источников состоит в том, что авторы начала 1930-х гг. имели возможность лично увидеть и оценить тот вклад, который внесли иностранные специалисты в создание гигантов советской

промышленности. В то же время они вынуждены были подчиняться правилам игры, predeterminedным развернувшейся пропагандистской войной между СССР и западными державами.

Список литературы

Бедель А. Э. Иностранцы рабочие и специалисты в промышленности Урала // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург : Академкнига, 2000. С. 227.

Богданов А. В. Иностранцы рабочие и специалисты на предприятиях Челябинска и Магнитогорска (1929–1933 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск : [Б. и.], 2011. 24 с.

Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.

Ваганова Н. А. Иностранцы граждане в промышленности и на стройках Южного Урала (1930-е гг.) // Выдающиеся представители общественно-политической и духовной жизни Урала : тез. докл. регион. науч. конф. Челябинск : Книга, 1997. С. 91–98.

Гугель Я. С. Воспоминания о Магнитке // Рифей : урал. лит.-краеведч. сб. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1980. С. 5–26.

За индустриализацию. 1931. 17 авг.

Камынин В. Д. Спецкор «Комсомольской правды» С. Д. Нариньяни на Магнитострое (к 90-летию со дня выхода первого номера газеты «Комсомольская правда») // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 4 (144). С. 97–106.

Коткин С. Будни сталинизма // Скотт Дж. За Уралом : Американский рабочий в русском городе стали. М. : Изд-во Моск. ун-та ; Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 13–29.

Кучер В. Н. Первые сталинские начальники Магнитки // Урал. ист. вестн. 2011. № 1 (30). С. 63–70.

Макаров А. Н. История строительства Магнитогорского металлургического комбината в отражении советского фоторепортажа 1930-х гг. // Наследие предков – молодым : VI Всерос. конкурс на лучшую работу по русской истории : [сайт]. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1390-istoriya-stroitelstva-magnitogorskogo-metallurgicheskogo-kombinata-v-otrazhenii-sovetskogo-fotoreportazha-1930-kh-gg> (дата обращения: 08.12.2019).

Нариньяни С. Д. Дорога в совершеннолетие. М. : ОГИЗ : Молодая гвардия, 1932. 125 с.

Нариньяни С. Д. «Ты помнишь, товарищ...» : Очерки о комсомольцах первой пятилетки. М. : Молодая гвардия, 1957. 119 с.

Паздников В. С. Из истории строительства Магнитогорского металлургического комбината // Сб. науч. тр. Магнитогорск. горно-металлургич. ин-та. Вып. 105. Магнитогорск : [Б. и.], 1971. С. 3–13.

Плавская Е. В. Публицистика как вид исторических источников: проблема определения // Вестн. РГГУ. Сер.: Исторические науки. 2008. № 4. С. 81–93.

Сергеев С. Социалистическая индустриализация Урала в годы предвоенных сталинских пятилеток. Свердловск : Свердловск. обл. гос. книж. изд-во, 1951. 91 с.

Скотт Дж. За Уралом : Американский рабочий в русском городе стали. М. : Изд-во Моск. ун-та ; Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 304 с.

Спасова Л. П. Магнитострой и «Мак-Ки»: столкновение деловых культур // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История и политология. 2010. Вып. 1 (12). С. 100–109.

Тимошенко В. П. Иностранная техническая помощь в Урало-Кузнецком проекте // Урал. ист. вестн. 2011. № 1 (30). С. 42–47.

Хламкин В. А. Запад и индустриализация России: XX век // Уржумка. 1995. № 1. С. 46–53.

ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607; Оп. 9. Д. 253; Оп. 10. Д. 696.

Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР : Советский период : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Высш. шк., 1976. 296 с.

References

Bedel', A. E. (2000). Inostrannye rabochie i spetsialisty v promyshlennosti Urala [International Workers and Specialists in the Industry of the Urals]. In *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya*. 2nd Ed. Yekaterinburg, Akademkniga, p. 227.

Bogdanov, A.V. (2011). *Inostrannye rabochie i spetsialisty na predpriyatiyakh Chelyabinska i Magnitogorska (1929–1933 gg.)* [International Workers and Specialists at Chelyabinsk and Magnitogorsk Enterprises (1929–1933)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, S. n. 24 p.

Bugrov, K. D. (2018). *Sotsgoroda Bol'shogo Urala* [The Social Cities of the Greater Urals]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 472 p.

Chernomorskii, M. N. (1976). *Istchnikovedenie istorii SSSR. Sovetskii period. Uchebnoe posobie* [Sources of the History of the USSR. The Soviet Period. A Textbook]. 2nd Ed. Moscow, Vysshaya shkola. 296 p.

Gugel', Ya. S. (1980). Vospominaniya o Magnitke [Memoirs about Magnitogorsk]. In *Rifei. Ural'skii literaturno-kraevedcheskii sbornik*. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 5–26.

Kamynin, V. D. (2015). Spetskor "Komsomol'skoi pravdy" S. D. Narin'yani na Magnitostroe (k 90-letiyu so dnya vykhoda pervogo nomera gazety "Komsomol'skaya pravda") [Special Correspondent of *Komsomolskaya Pravda* S. D. Narignani on Magnitostroy (on the 90th Anniversary of the First Issue of *Komsomolskaya Pravda*)]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. No. 4 (144), pp. 97–106.

Khlamkin, V. A. (1995). Zapad i industrializatsiya Rossii: XX vek [The West and the Industrialisation of Russia: The 20th Century]. In *Urzhumka*. No. 1, pp. 46–53.

Kotkin, S. (1991). Budni stalinizma [The Everyday Life of Stalinism]. In Scott, J. *Za Uralom. Amerikanskii rabochii v russkom gorode stali*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 13–29.

Kucher, V. N. (2011). Pervye stalinskie nachal'niki Magnitki [The First Stalinist Heads of Magnitogorsk]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (30), pp. 63–70.

Makarov, A. N. (2011). Istoriya stroitel'stva Magnitogorskogo metallurgicheskogo kombinata v otrazhenii sovetskogo fotoreportazha 1930-kh gg. [The History of the Construction of the Magnitogorsk Iron and Steel Works as Reflected in Soviet Photographic Reporting in the 1930s]. In *Nasledie predkov – molodym : VI Vseros. konkurs na luchshuyu rabotu po russkoi istorii* [website]. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1390-istoriya-stroitelstva-magnitogorckhogo-metallurgicheskogo-kombinata-v-otrazhenii-sovetskogo-fotoreportazha-1930-kh-gg> (accessed: 08.12.2019).

Narignani, S. D. (1932). *Doroga v sovershennoletie* [The Path to Adulthood]. Moscow, Ob"edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv, Molodaya gvardiya. 125 p.

Narignani, S. D. (1957). *Ty pommish', tovarishch. Ocherki o komsomol'sakh pervoi pyatiletki* [Do You Remember, Comrade. Essays on the Komsomol Members of the First Five-Year Plan]. Moscow, Molodaya gvardiya. 119 p.

Pazdnikov, V. S. (1971). Iz istorii stroitel'stva Magnitogorskogo metallurgicheskogo kombinata [From the History of the Construction of the Magnitogorsk Iron and Steel Works]. In *Sbornik nauchnykh trudov Magnitogorskogo gorno-metallurgicheskogo instituta*. Iss. 105. Magnitogorsk, S. n., pp. 3–13.

Plavskaya, E. V. (2008). Publitsistika kak vid istoricheskikh istochnikov: problema opredeleniya [Journalism as a Form of Historical Source: The Problem of Determination]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 4, pp. 81–93.

Scott, J. (1991). *Za Uralom. Amerikanskii rabochii v russkom gorode stali* [Beyond the Urals. An American Worker in the Russian City of Steel]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 304 p.

Sergeev, S. (1951). *Sotsialisticheskaya industrializatsiya Urala v gody predvoennykh stalinskikh pyatiletok* [The Socialist Industrialisation of the Urals during the Years of the Pre-War Stalinist Five-Year Plans]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo. 91 p.

Spasova, L. P. (2010). Magnitostroi i "Mak-Ki": stolknovenie delovykh kul'tur [Magnitostroy and McKee: A Clash of Business Cultures]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya i politologiya*. Iss. 1 (12), pp. 100–109.

Timoshenko, V. P. (2011). Inostrannaya tekhnicheskaya pomoshch' v Uralo-Kuznetskom proekte [International Technical Assistance in the Ural-Kuznetsk Project]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (30), pp. 42–47.

TsDOOSO [Documentation Centre of Public Organisations of Sverdlovsk Region]. Stock 4. List 8. Dos. 607; List 9. Dos. 253; List 10. Dos. 696.

Vaganova, N. A. (1997). Inostrannye grazhdane v promyshlennosti i na stroikakh Yuzhnogo Urala (1930-e gg.) [Foreign Nationals in the Industry and Construction Sites in the Southern Urals (1930s)]. In *Vydayushchiesya predstaviteli obshchestvenno-politicheskoi i dukhovnoi zhizni Urala. Tezisy dokladov regional'noi nauchnoi konferentsii*. Chelyabinsk, Kniga, pp. 91–98.

Za industrializatsiyu [For Industrialisation]. (1931). Aug. 17.

The article was submitted on 15.01.2020